

ИЗУЧЕНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА В СССР (краткий очерк)

1

Интерес к египетской культуре существовал в нашей стране издавна и первоначально питался переводной литературой и сведениями, проникавшими к нам в результате непосредственных, весьма старинных связей с Египтом и соседними с ним государствами.

В „Повести временных лет” — русской летописи, созданной в начале XII в. и использовавшей письменные и устные исторические источники предшествующих столетий, — летописец упоминает о Египте уже под 986 годом.¹

Исторически засвидетельствованные путешествия русских людей, посылавшихся в заморские восточные страны с поручениями государственного характера или же направлявшихся туда по собственному почину и оставивших описания своих путешествий, открываются „Хождением игумена Даниила в святую землю” (1106–1108).

Авторы некоторых дошедших до нас описаний подобного рода, повествуя о своих странствованиях, делятся подчас и впечатлениями о виденных ими в Египте древних памятниках. Обычно — это пирамиды или александрийские обелиски. Так, казанский купец Василий Гагара, который провел в Египте около трех месяцев (с 20 декабря 1635 г. до 13 марта 1636 г.), сообщает, что под Александрией „стоит камень четверуголен, верх востр..., а называют турки фараоновым копием, и подписано на его фараоново имя” и что „за рекою Нилею, а по гречески Геон, зделаны полаты велми велики и страшны, аки горы сильные”.²

Особенно большое любопытство вызывали у русских путешественников иероглифические письма. В Александрии, — говорится в „Хождении” Арсения Суханова, посетившего Египет в 1651 г., о том же обелиске, о котором упоминал Василий Гагара, — „стоит столб дивный из единого камени иссечен, четверогранен, в высоту будет сажень двенадцать, а на нем письма вырезаны кругом от низа и до верха, неведомо какие: сабли, луки, рыбы, головы челоуечьи, руки, ноги, топорки, а иного и знать нельзя, видимая и невидимая; а сказывают, будто некоторая мудрость учинена”.³

Книжным путем данные, связанные с письменностью египтян, попадают в древнюю Русь очень рано. В известных нам с XIII в. кратких словарях, объясняющих непонятные слова, вошедшие в нашу книжную речь из чужих языков, — словарях, рассматривавшихся

¹ В обращенной к Владимиру „речи философа”, содержащей изложение христианского учения. См.: Повесть временных лет. Ч. I. Серия „Литературные памятники”. Изд. АН СССР. М.-Л., 1950. С. 65 сл.; Ч. II. М.-Л., 1950. С. 330, 333–334.

² Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары, 1634–1637 гг. // Палестинский сборник, вып. 33. СПб., 1891. С. IV, 15, 16.

³ Проскинитарий Арсения Суханова, 1649–1653 гг. Палестинский сборник, вып. 21. СПб., 1889. С. 32.

некоторыми исследователями как „зародыши настоящей нашей филологии”⁴ и в азбуковниках XVI–XVII вв., включивших среди других материалов и такие словари, говорится и о египетских словах.

В одном из литературных памятников этого рода, озаглавленном „Толкование неудобьпознаваемым в писании речем...”, перечисляются, например, названия месяцев на различных языках, в том числе и на египетском.⁵ В другом словотолковании (XVII в.) наряду со словами, определяемыми составителем как „арабские”, „арменские”, „турецкие”, „сербские”, „гишпанские”, „польские”, „немецкие”, критские”, „сирские”, и многими другими приводятся также слова „египетские” и „фивейские”.⁶

Правда, восточный материал „азбуковников” или „алфавитов иностранных речей” еще недостаточно изучен, и, как уже отмечал академик И. Ю. Крачковский, далеко не всегда можно решить без специального исследования, слова какого языка — коптского или египетского диалекта языка арабского — скрываются в рукописи под названием „египетских” или „фивейских”.⁷ В ряде случаев, например, в только что упоминавшемся нами „Толковании”, в котором имя финикийской богини, Астарта, отнесено к египетским словам,⁸ или же когда египетским объявляется слово „Исихий, безмолвник, молчальник”⁹ (греч. *ἡσυχίος*), мы имеем дело с явно неправильными указаниями.

При всем том не подлежит сомнению, что через переводную литературу к нам очень рано проникали слова подлинно египетского происхождения. Факты, хотя и единичные, разрозненные, свидетельствующие об этом, уводят нас в далекое прошлое нашей родины — ко временам Киевской Руси.

Уже в одном из первых памятников древнерусской письменности, в „Изборнике Святослава 1073 г.”, находим такие слова древнеегипетского происхождения, как названия месяцев: „фаофи”, „аәур”, „хуак” и др.¹⁰ Эти названия встречаются и в славянском переводе „Христианской топографии” Козьмы Индикоплова, написанной в Александрии в VI в. Труд

⁴ К. Ширский. Очерк древних славяно-русских словарей. Филологические записки, вып. I. Воронеж, 1869. Отдел библиографии. С. 1.

⁵ А. Карпов. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 19.

⁶ Там же. С. 174.

⁷ Акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950. С. 16.

⁸ См.: А. Карпов. Ук. соч. С. 174.

⁹ См.: И. Сахаров. Сказания русского народа. Т. 2, кн. 5. СПб., 1849. С. 161 и XIII. Впрочем, лексические данные, приведенные И. Сахаровым в указанном труде, нуждаются, как известно, в тщательной проверке специалистов.

¹⁰ В „Изборнике Святослава 1073 г.” приведены названия всех 12 месяцев египетского года. Заимствованы они из включенного в „Изборник” перевода, посвященного римским, иудейским, македонским, эллинским и египетским („Месяцы по Иегуптеном”) названиям месяцев, сочинения византийского богослова и философа Иоанна Дамаскина (конец VII в. — ок. 754 г.), писавшего на греческом языке. В основе приведенных названий египетских месяцев, известных нам в коптской и греческой передаче, лежат древнеегипетские названия определенных праздников.

Индикоплова, в течение столетий пользовавшийся на Руси широкой популярностью, относится, как указывает, исходя из данных языка перевода, Д. С. Лихачев, к тем произведениям, которые были переведены „в XI в. с греческого языка прямо на русский язык и при этом русскими переводчиками”.¹¹ Многочисленные, нередко иллюстрированные, полные списки славянского перевода известны с конца XV по XVIII и даже XIX в. включительно. В „Христианской топографии” читатель находил и упоминание о египетских иероглифах, представляющее интерес для истории египтологии. Рассказывая о Моисее и дополняя библейскую легенду, Козьма Индикопов сообщает, что еврейский вождь постиг всю премудрость египтян: и учение о сферической форме неба, и астрономию, „аще и волшебство и священо изваяннаа письмена,¹² паче же образы писменем писмена бо не у беша”. В немногих словах византийский писатель исчерпывающе изложил мнение, находившееся в полном согласии с теориями греческих и латинских авторов о символическом, не звуковом характере египетских иероглифов, якобы скрывавших тайные учения египетских жрецов от непосвященных. Эти теории, направившие по ложному пути усилия целых поколений исследователей дошампольоновского периода, стремившихся дешифровать письмо древнего народа, оказали сильное влияние и на самого Шампольона в первые годы его научной деятельности и, как известно, не сразу были преодолены и после открытия французского ученого. В специальной литературе высказывалась мысль, что отстаивавшийся некоторыми противниками Шампольона взгляд на египетские иероглифы как на знаки, неспособные передавать звуки речи египтян, восходит именно к „Христианской топографии”.¹³ Славянский перевод указанного сочинения в течение столетий, до XIX в. включительно, являлся одним из источников широкого распространения этого ложного взгляда и на Руси, где интерес к египетскому письму существовал с давних пор.

Любопытное свидетельство такого интереса сохранилось в описании путешествия В. Г. Барского (1701–1747) на Восток. Автор описания сообщает, что, будучи в Александрии (в 1730 г.), он „с многим тщанием и трудом исписахь... в удивление зрящимъ” со столпа Клеопатры, своими письменами привлекая когда-то внимание Арсения Суханова, „некие печати или знаменья... ихъ же многи видеша, но истолковати не могут, понеже не подобятъ а ни до еврейских, а ни до еллинских, а ни до латинских, а ни до иных коих либо буди писмен”.¹⁴

¹¹ Повесть временных лет. ч. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева, серия „Литературные памятники”. Изд. АН СССР. М.-Л., 1950. С. 376.

¹² „...священо изваяннаа письмена...” Так переводчик передает греческое выражение оригинала: *ἱερογλυφικὰ γράμματα*. См.: Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. Из рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел. Общество любителей древней письменности, LXXXVI. СПб., 1886. С. 41. Греческий текст см. в книге: Cosmas Indicopleustes. The Christian Topography. Edited by E. O. Winstedt. Cambridge, 1909. С. 97.

¹³ См.: Fr. Chabas. Oeuvres diverses. T. I. Paris, 1899. P. 171 (Bibliothèque Égyptologique, t. IX).

¹⁴ Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. 2. СПб., 1886. С. 163.

Рисунок Барского, поражающий тщательностью выполнения, является одним из первых воспроизведений надписи, высеченной на „игле Клеопатры”.

В конце XVIII в., в связи с производившимися в России в широких масштабах работами по собиранию лексического материала различных языков с целью их сравнительного изучения, появляются в печати и некоторые данные о языках Африки. В большом четырехтомном сравнительном словаре, опубликованном в 1790–1791 гг. Янковичем де Мириево (1741–1814), среди почти трехсот языков представлены и 33 африканских, в том числе и „коптический в Египте”.¹⁵

К тому же примерно времени относится и попытка чтения египетских иероглифов, принадлежащая директору петербургской учительской семинарии И. Коху. В этой попытке заслуживает внимания лишь мысль о звуковом алфавитном характере египетских иероглифов, обычно рассматривавшихся учеными как символические знаки.¹⁶

Первые десятилетия XIX в. явились периодом становления египтологии как науки. В результате длительного изучения двуязычной надписи Розеттского камня, найденного в 1799 г. в Египте во время экспедиции Наполеона, египетские иероглифы были, наконец, дешифрованы. Стали доступны для чтения и другие, курсивные, виды египетского письма. В 1822 г. Шампольон опубликовал записку, известную под названием „Письма к г-ну Дасье”, в которой устанавливалось наличие египетского иероглифического звукового алфавита в иероглифических надписях греко-римского периода и давалось чтение ряда иероглифических имен и эпитетов греческих и римских правителей Египта, а в 1824 г. вышел в свет капитальный труд французского ученого „Очерк иероглифической системы древних египтян”, посвященный системе египетского иероглифического письма в целом.¹⁷

Передовая часть русской интеллигенции сразу же по достоинству оценила значение открытия Шампольона. В России основатель египтологии нашел горячих сторонников и пропагандистов его теории. В этой связи заслуживает внимания „Доклад об иероглифической

¹⁵ Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–4. СПб., 1790–1791. Подробные сведения о представленных в этом словаре африканских языках даются в подготовленной к печати статье Д. А. Ольдерогге. Изложение истории изучения в нашей стране коптского языка выходит за рамки настоящего краткого очерка.

¹⁶ Опыт истолкования иероглифов и надписей, находящихся на некоторых древних монетах, изданной на латинском языке надворным советником, Учительской семинарии директором и королевского Геттингского ученого общества корреспондентом Иваном Кохом; а на российский язык переведенной коллежским ассессором Евгением Сырейщиковым. Печатано в Санктпетербурге, в императорской Типографии 1788 года (64 с. + VI табл.); J. G. Kochii. Tentamen secundum et quidem tentamen enucleationis sphingium. Опыт изъяснения сфингов. E Typographia Imperiali, Petropoli, MDCCLXXXIX. (29 с. + 1 табл.).

¹⁷ Русский перевод „Письма к г-ну Дасье”, а также изложение „Очерка иероглифической системы древних египтян” даны в книге: Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Серия „Классики науки”. Изд. АН СССР. М.-Л., 1950. Пользуемся случаем указать, что на с. 264 этой книги в начале второго абзаца прим. 21 следует читать: „В двух других работах Соэги дается описание египетских монет римского периода, от триумвира Антония до императора Диоклетиана...”

системе Шампольона”, принадлежащий перу первого секретаря русского посольства в Риме С. И. Коссаковского (1795—1872), составленный им в 1825 или в 1826 г.¹⁸

В 20-х годах минувшего столетия в Западной Европе вокруг теории Шампольона, смело, не считаясь с авторитетами, выступавшего против устаревших традиций, разгорелась ожесточенная борьба, в которой немалую роль играли интриги представителей католической церкви и ультрароялистов, преследовавших „Робеспьера из Гренобля”, как они называли Шампольона, за его активное участие в политической жизни Франции во время Ста дней на стороне Наполеона. Наиболее рьяные из противников французского ученого, стремившиеся любым путем дискредитировать новую научную теорию, использовали с этой целью и вопросы религии.¹⁹ Враги Шампольона, в их числе итальянский арабист аббат Ланчи, старались привлечь на свою сторону и втянуть в эту борьбу и образованных русских людей, в частности А. Я. Итальянского (1743—1827), в то время — русского посла в Риме. Для того чтобы дать ему верное представление об иероглифической системе, Коссаковский, которого Шампольон называл одним из „апостолов” своей теории в Риме и который, в связи с занятой им по отношению к великому ученому позицией, также подвергался нападкам со стороны аббата Ланчи, и написал свою работу. Автор „Доклада” на основании опубликованных к тому времени исследований Шампольона, а также под впечатлением лекций, прочитанных последним в Риме в июне 1825 г., изложил основные положения иероглифической системы и сообщил некоторые сведения о коптском языке.

10 января 1827 г. (29 декабря 1826 г. по старому стилю) Шампольон был избран, в один день с Гете, почетным членом Петербургской Академии наук. Исследования Шампольона широко обсуждались и получили высокую оценку на страницах русской периодической печати того времени. В „Сыне отечества” сразу же после выхода в свет „Очерка иероглифической системы” была опубликована посвященная этому труду обстоятельная статья („О египетских письменах”). К статье приложена таблица, иллюстрирующая некоторые факты из области египетской иероглифики примерами на материале русского языка. Изданная в том же 1824 г. отдельной брошюрой,²⁰ эта статья была в 1827 г. переведена в Вильно на польский язык.²¹

¹⁸ См.: И. Г. Лившиц. Из истории русской египтологии // Палестинский сборник, 3(66). Изд. АН СССР. М.-Л., 1958. С. 151—170. В прим. 6 на с. 170 этой работы вместо „гл. XXIII” следует читать „гл. XXXIV”.

¹⁹ *Lettres de Champollion le Jeune, recueillies et annotées par H. Hartleben.* T. I. Paris, 1909. P. 210.

²⁰ О египетских письменах. СПб., в типографии Н. Греча, 1824 (С. 1—107 + 1 табл.). Статья подписана буквой Б. И. С. Кацнельсон в своей работе „Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова”, опубликованной в сборнике „Декабристы. Новые материалы” под редакцией проф. М. К. Азадовского (М., 1955. С. 323—335), указывает, что автором статьи был Г. С. Батеньков.

²¹ О pismie egipskiem czyli hieroglyfach. Przekładał z rossyyskiego Zygmunt Bartoszewicz N. G. W. Wilno. W drukarni A. Marciniowskiego, 1827 (с. 1—76 + 1 табл.). В 1826 г. польский перевод печатался по частям в журнале „Dziennik Wilenski”.

Большой интерес к новой востоковедной дисциплине проявлял и один из образованнейших людей своего времени директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств А. Н. Оленин (1763–1843).

В 1824 г. он писал Шампольону: „...одним росчерком Вашего пера навсегда уничтожены все высказанные до сих пор гипотезы относительно значения и применения иероглифов”. Известно, что Оленин, основываясь на трудах Шампольона, самостоятельно разрабатывал некоторые темы из области египетского письма. О его осведомленности в египетской иероглифике говорит тот факт, что он очень быстро сумел правильно определить значение иероглифов, высеченных на гранитной статуе богини Сехмет, привезенной из Египта в Петербург А. С. Норовым. В одном из своих писем, всего через несколько дней после того, как он познакомился с этой древней надписью, Оленин указывает, что иероглифы на статуе передают имя и титулатуру Аменхотпа III, и добавляет, что читает картуши фараона по системе Шампольона, „не увлекаясь мистическими и отвлеченными какими-либо соображениями”. Эти соображения, столь характерные для целых столетий, предшествовавших открытию Шампольона, и поколебленные его трудами, после его смерти вновь стали разделяться некоторыми западноевропейскими учеными в результате деятельности противников основателя египтологии. Работы, возрождавшие мистический символизм, которым пронизаны египтологические изыскания иезуита А. Кирхера (1601–1680), наиболее яркого представителя этого направления в области изучения египетского письма, появлялись и при жизни Шампольона. Однако на отношение к новой научной дисциплине большинства русских образованных людей, серьезно интересовавшихся египтологией, подобные „исследования” никакого влияния не оказали.

В течение ряда лет некоторое время вместе с М. М. Сперанским занимался изучением египетского письма декабрист Г. С. Батеньков (Батенков, 1793–1863). Данные, свидетельствующие об этом, сохранились в переписке Г. С. Батенькова и в его показаниях Следственному комитету по делу декабристов.²²

Много внимания уделял египетской иероглифике И. А. Гулянов (1789–1842), избранный в 1821 г. за „Отличные упражнения его в исследовании начал и правил как русского, так и других языков” в члены Российской академии,²³ а в 1841 г. — в почетные члены Петербургской Академии наук. В 1827 г. Гулянов, до того состоявший на дипломатической службе, был причислен к Министерству народного просвещения и послан за границу для продолжения своих изысканий по египетской иероглифике. Отправным

²² Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля, под общей редакцией Б. П. Козьмина. Изд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1936. С. 147, 184; ср.: там же, с. 15, 24–25, 17, 18. Ср. также: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. „Academia”. М., 1930. С. 504.

²³ М. И. Сухомлинов. История Российской академии. Т. 7. СПб., 1885. С. 469.

пунктом для египтологических исследований Гульянова послужило положение Шампольона, гласившее, что алфавитные иероглифы передают начальные звуки слов египетского языка, обозначающих предметы, изображенные этими иероглифами (так называемая акрофоническая теория происхождения алфавитных иероглифов). Однако Гульянов допустил серьезную ошибку, слишком широко распространив этот принцип. Он полагал, что один и тот же иероглиф передавал все слова, начинающиеся тем звуком, которым начинается слово, обозначающее изображенный данным иероглифом предмет (так называемые акрологические иероглифы) Вместе с тем Гульянов отрицал существование идеограмм среди египетских иероглифов, считая последние замаскированными разновидностями („прикровенными отменами“) букв семитического письма и усматривая в них тайнопись египетских жрецов. Такой взгляд на природу звуковых иероглифов способствовал широкому проникновению элементов фантазии в работы по изучению египетского письма. В результате Гульянов — дилетант в области египтологии, как отмечал еще В. В. Стасов, — не оправдал надежд, возлагавшихся на него некоторыми его современниками. Опубликованные им исследования²⁴ представляют интерес лишь для истории науки.

2

Начало систематического изучения египетского языка в России относится к последней четверти XIX в. и связано с именами В. С. Голенищева (1856–1947) и Б. А. Тураева (1868–1920), поднявших отечественную египтологию на уровень научной дисциплины.

В этот период в России создаются коллекции египетских древностей, содержащие множество памятников египетской письменности, послуживших базой для зародившейся в нашей стране в 70-х годах прошлого столетия египетской филологии.

Собирание коллекций египетских древностей началось у нас еще в первые десятилетия XIX в. В конце 1825 г. в Академии наук был учрежден „Египетский музей“, коллекция которого в 60-х годах была передана петербургскому Эрмитажу. Египетское собрание Эрмитажа продолжало пополняться, и к началу XX в. представляло большое и ценное собрание, включавшее пользующиеся мировой известностью папирусы, опубликование которых вызвало к жизни целую литературу.

²⁴ Gouliano. Essai sur les hiéroglyphes d'Horapollon. Paris, 1827; Гульянов. Замечания о Дендерском зодиаке. М., 1831; Gouliano. Archéologie égyptienne ou recherches sur l'expression des signes hiéroglyphiques et sur la langue sacrée des Égyptiens. Т. 1–3. Leipzig, 1839 и др. (приводимая нами в настоящем очерке библиография не претендует на полноту). Отметим попутно, что в нашей востоковедной литературе, начиная, по-видимому, со статьи П. Савельева „Иероглифы“ (Северное обозрение, № 5. СПб., 1849. С. 61–487), посвященной Гульянову, последнему ошибочно приписывается одна из первых работ об иероглифической надписи Розеттского камня, озаглавленная: „Analyse de l'inscription en hieroglyphes du monument trouve à Rosette...“ Эта анонимная, подвергшаяся резкой критике Шампольона работа, опубликованная в Дрездене в 1804 г. и переизданная в 1830 г. во Флоренции, принадлежит перу шведского дипломата Н. Г. Палина.

К началу нынешнего века Россия располагала также, кроме ряда небольших коллекций в Петербурге, Казани, Киеве, Одессе и других городах, богатейшим собранием египетских древностей, хранящимся ныне в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. В состав этой коллекции, создававшейся в основном В. С. Голенищевым в течение десятилетий, входят памятники египетской культуры, начиная от эпохи неолита вплоть до первых веков нашей эры, в том числе — памятники всех видов египетской письменности, от надписей архаического Египта до уникальных иератических папирусов, демотических документов и коптских текстов.

Научным и организационным центром русской египтологии в период ее возникновения был Петербург.

В 1869–1870 гг. в печати появляется несколько заметок крупного петербургского семитолога А. Я. Гаркави (1835–1919), получившего и серьезную египтологическую подготовку (у Р. Лепсиуса в Германии). Заметки посвящены еврейско-египетским этимологиям, в связи с которыми автор затрагивает также вопросы еврейско-египетских фонетических соответствий.²⁵ Некоторые из этих этимологий фигурируют в египтологических трудах нашего времени.²⁶ К египтологической тематике Гаркави изредка возвращается и впоследствии. Так, на международном конгрессе ориенталистов, состоявшемся в Петербурге в 1876 г., он сделал доклад об одном географическом термине египетских надписей.

На этом же конгрессе прочитал свое предварительное сообщение о двух развернутых им эрмитажных папирусах,²⁷ опубликованное в том же году, пионер египтологии, в то время — еще студент Факультета восточных языков Петербургского университета, В. С. Голенищев. Молодой ученый сразу же распознал уникальный характер текстов, известных теперь под названиями: „Поучение гераклеопольского царя своему сыну” и „Пророчество Неферреху” (или „Пророчество Неферти”). Последний текст, датируемый приблизительно 1500 г. до н. э. и восходящий к еще более старому оригиналу, повествует об одном из древнейших известных истории крупных народных восстаний. Голенищев, уже в своих первых печатных выступлениях использовавший надписи на египетских памятниках петербургских коллекций,²⁸ своим сообщением открыл целую серию работ, в которых

²⁵ Albert Harkavy. 1) Bemerkung über **בִּנְאֵל** // ZÄS, 7, 1869. S. 48; 2) Aegyptisch-semitisches, I–II // ZÄS, 7, 1869. S. 132; 3) Les mots égyptiens de la Bible, I–XVI // Journal Asiatique, 1870. P. 161–186.

²⁶ Например, сопоставление древнееврейского **שֶׁשׁ**, šeš с египетским **šš** (определенный сорт полотна). См.: A. Harkavy. Les mots égyptiens de la Bible, XV. P. 27; ср.: A. Erman und H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. IV. Leipzig, 1930. S. 539.

²⁷ W. Golénischeff. Le papyrus № 1 de St. Petersburg. Notice lue le 29. Août (10. Septembre) 1876 au congrès des orientalistes à St. Petersburg // ZÄS, 14, 1876. S. 107–111.

²⁸ W. Golénischeff. 1) Über die Aussprache des Wortes **š** und über das Wort **šš** // ZÄS, 12, 1874. S. 35–36; 2) Eine ältere Redaktion des 108. Capitals des Tottenbuches // ZÄS, 12, 1874. S. 83–85; 3) Miscellanea 1–6 // ZÄS, 13, 1875. S. 74–76.

он на протяжении десятилетий описывал и публиковал, полностью или частично, хранящиеся в наших собраниях египетские папирусы. Работы эти внесли ценнейший вклад в историю египетской литературы и дали обильный материал для изучения египетского языка. К числу наиболее известных из таких текстов принадлежат, кроме двух указанных выше папирусов, третий эрмитажный папирус — „Сказка о потерпевшем кораблекрушение” — и приобретенные Голенищевым в Египте папирусы, ныне хранящиеся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, „Путешествие Унуамона в Финикию” и знаменитый „Словарик” — предшественник, примерно трехтысячелетней древности, современных энциклопедий, предоставивший в распоряжение египтологов богатейший словарный материал.

Поездки в Египет, предпринятые Голенищевым в 80-х годах XIX в. с научными целями, принесли ценные результаты для египетской эпиграфики.²⁹ Среди открытых во время этих поездок новых эпиграфических памятников заслуживает особого упоминания — в связи с интенсивно разрабатываемой советскими учеными скифской проблемой — раскопанная Голенищевым на Суэцком перешейке в 1889 г. стела с высеченной на ней иероглифической надписью Дария I.³⁰ В этой надписи, изданной Голенищевым в 1890 г., наряду с другими подвластными персидскому царю странами приводится и страна саков.³¹

С первых лет своей научной деятельности Голенищев приступил также к изданию памятников египетской письменности, хранящихся в зарубежных коллекциях.³²

В круг научных интересов Голенищева очень рано вошли и теоретические вопросы из области египетской иероглифики. В 1883 г. на международном конгрессе ориенталистов в Лейдене он выступил с докладом о происхождении египетских алфавитных иероглифов, опубликованным затем в 1885 г.³³ В докладе Голенищев, затрагивая также вопросы происхождения финикийского письма, оспаривал правильность одного из основных положений акрофонической теории Шампольона.³⁴ По этой теории египетские иероглифы

²⁹ W. Golénisheff. Notice sur un texte hiéroglyphique de Stabel Antar (Spéos Artemidos) // RTR, 3, 1882. P. 1–3; В. Голенищев. Эпиграфические результаты поездки в Уади-Хаммамат // ЗВОРАО, т. II, вып. 1, 1888. С. 65–79; W. Golénisheff. Lettre à M. G. Maspero, sur trois petites trouvailles égyptologiques // RTR, 11, 1889. P. 96–100; В. Голенищев. Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888–1889 г. // ЗВОРАО, т. V, 1890. С. 1–30, табл. I–V; W. Golénisheff. Une excursion à Bérénice // RTR, 13, 1890. P. 75–96, 7 ill.

³⁰ W. Golénisheff. Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoûtah // RTR, 13, 1890. P. 99–109, ill. VIII.

³¹ См.: В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья // ВДИ, 4, 1949. С. 15–28; ср.: Б. Тураев. Скифия в иероглифической надписи // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 356–360.

³² Die Metternichstele in der Originalgrösse, zum ersten Mal herausgegeben von W. Golénisheff. Leipzig, 1877; W. Golénisheff. Notice sur un ostracon hiératique du Musée de Florence // RTR, 3, 1882. P. 3–7, ill. I–II; Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, №№ 58001–58036. Papyrus hiératiques par Wladimir Golénisheff. Premier fascicule. Le Caire, 1927. Книга содержит фототипические таблицы, описание и иероглифическую транскрипцию около четырех десятков иератических папирусов религиозного содержания. В примечаниях даны комментарии палеографического и грамматического характера.

³³ W. Golénisheff. Sur l'origine alphabétique de certains hiéroglyphes // Actes du sixième congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide, Quatrième partie. Leide, 1885. P. 77–87.

³⁴ Голенищев ошибочно называет ее „акрологической” (или „протологической”).

могли получать алфавитное значение от начального звука слов, обозначавших предметы, изображенные данными иероглифами, независимо от количества слогов, составлявших эти слова. Голенищев же, исходя из соображений о „ребусном”³⁵ происхождении египетских звуковых иероглифов, доказывал, что „алфавитное значение могли получать только те знаки, которые, являясь первоначально идеограммами, имели название, состоявшее из согласного с последующей или предшествующей гласной”. Аналогичное мнение высказывал еще в 1857 г. английский египтолог Берч, но его мнение не получило распространения. Точка зрения Голенищева, к которой он пришел самостоятельным путем, была принята участниками конгресса — египтологами Видеманом, Плейте, Эйзенлором и семитологом Галеви. Господствующая в современной египтологии теория происхождения египетских алфавитных иероглифов близка опубликованным Голенищевым в 1885 г. положениям.³⁶

Год, отмеченный выступлением на международной научной арене первого представителя зарождавшейся в России египетской филологии, был ознаменован и другим примечательным для истории русского востоковедения фактом — первой серьезной попыткой введения египтологии в университетскую программу. В ноябре 1876 г. „Комиссия по пересмотру устава российских университетов 1863 г.”, обсудив „Записку профессоров Григорьева и Коссовича”, признала ряд предложений, содержащихся в этом документе, — в том числе предложение о введении на Факультете восточных языков Петербургского университета преподавания египтологии и ассириологии, новоиндийских наречий, эфиопского и тибетских языков, — „вполне заслуживающими уважения”. Курс египтологии, предусмотренный „Запиской”, включал в себя „языки коптский и древнеегипетский; иероглифы и демотическое письмо; египетские древности”.³⁷ Но возможность хотя бы частично осуществить этот проект представилась лишь через десять лет: в конце 1886 г. египтология, впервые в России, первоначально в качестве предмета необязательного и стоявшего особняком, была введена в число дисциплин, преподававшихся на Факультете восточных языков Петербургского университета.³⁸

Вести новый курс было поручено хранителю Азиатского музея Академии наук коптологу О. Э. Лемму (1856–1918), который в звании приват-доцента и преподавал в течение

³⁵ Этого термина в докладе Голенищева нет.

³⁶ См.: K. Sethe. *Der Ursprung des Alphabets* // *Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Geschäftliche Mitteilungen*, 1916, Heft 2. Berlin, 1917. S. 88 ff.; В. В. Струве. *Происхождение алфавита*, Пгр., 1923, С. 16; Alan H. Gardiner. *Egyptian Grammar*³. Oxford, 1957. Sign-list (см. замечания по поводу отдельных алфавитных иероглифов).

³⁷ *Материалы для истории Факультета восточных языков*. Т. II. 1865–1901 гг. СПб., 1906. С. 295–296, 298.

³⁸ *Материалы для истории Факультета восточных языков*. Т. IV (составлен В. В. Бартольд), 1885–1905. СПб., 1909. С. 199–200.

ряда лет египетский язык на Факультете восточных языков.³⁹ В 1883 г. он опубликовал ценное для своего времени учебное пособие — литографированную иероглифическую хрестоматию, предоставлявшую в распоряжение студента, изучавшего египетский язык, кроме списка 26 алфавитных иероглифов (с латинской транскрипцией и семитическими соответствиями для некоторых из них) и таблицы из 700 других иероглифов, большой и разнообразный выбор древнеегипетских надписей и текстов различных периодов египетской истории.⁴⁰ В хрестоматию были включены и некоторые памятники египетской эпиграфики, имевшиеся в России, — надписи на петербургских сфинксах. Позже Лемм предпринял издание второй иероглифической хрестоматии.⁴¹

Преемником Лемма на университетской кафедре был его ученик, завершивший свою египтологическую подготовку занятиями у А. Эрмана (Берлин) и Г. Масперо (Париж), Б. А. Тураев — крупнейший представитель русского востоковедения конца XIX – начала XX столетия, автор первой русской „Истории древнего Востока”, построенной на древневосточных первоисточниках. В этом труде, опубликованном в 1911–1912 гг. и выдержавшем три издания, Б. А. Тураев дал множество литературных, исторических и других текстов в переводе на русский язык с целого ряда восточных языков (с египетского, коптского, древнееврейского, эфиопского⁴² и др.), которыми он прекрасно владел.

Научная, педагогическая и организационная деятельность Тураева, развернувшаяся особенно широко с первых лет нынешнего века, вводит нас во второй период истории египтологии в России, характеризуемый появлением прочной университетской традиции, не прерывающейся до наших дней, и возникновением русской египтологической школы, основанной Тураевым. С 1896 г. Тураев, сперва в звании приват-доцента, а с 1904 г. — профессора, ведет преподавание на Историко-филологическом факультете Петербургского университета.

³⁹ Преподавательская деятельность Лемма в Петербургском университете, официально начавшаяся в 1887 г., „продолжалась фактически, по-видимому, только до 1892 года” (О. Э. Лемм. Некролог. Читан акад. П. К. Коковцовым в заседании Отделения исторических наук и филологии 23 (10) октября 1918 г. Известия Российской Академии наук. VI серия. 1918, 15 ноября, № 16. С. 1756). См. также: В. Тоуаïеff. Les pertes récentes de l'orientalisme en Russie // RTR, 39, 1921. P. 111–112. Официально Лемм оставил преподавание в Петербургском университете в 1897 г., см.: Материалы для истории Факультета восточных языков, т. IV (составлен В. В. Бартольд), 1885–1905. СПб., 1909. С. 200.

⁴⁰ *Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium, mit Schrifttafel und Glossar, herausgegeben von Dr. O. von Lemm. I. Theil. Schrifttafel und Lesestücke. Leipzig, 1883.*

⁴¹ *Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum, in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Petropolitanae edidit Dr. O. de Lemm. Fasc. I. Petropoli, 1890 (32 с. литографированного текста).*

⁴² Последнее из опубликованных исследований акад. Б. А. Тураева в области эфиопистики — „Абиссинские хроники XIV–XVI вв. Перевод с эфиопского” — издано в 1936 г. под редакцией акад. И. Ю. Крачковского в „Трудах” Института востоковедения АН СССР. Характеристика научной деятельности Б. А. Тураева, создателя русской школы историков древнего Востока и русской школы египтологов, дана акад. В. В. Струве в его статье „Б. А. Тураев – крупнейший историк древнего Востока” (ВДИ, 1948, 2, С. 75–83).

Наряду с Петербургом в развитии нашей египтологии начинает играть значительную роль и Москва. В Музее изящных искусств при Московском университете⁴³ основывается Египетский отдел, созданный на базе коллекции египетских древностей В. С. Голенищева, приобретенной в 1909 г. по инициативе Б. А. Тураева.

Организатор Египетского отдела Музея, бесменно руководивший им до последних дней своей жизни, Тураев с 1912 г. ведет занятия по египтологии и на Московских высших женских курсах. У него появляются как в Петербурге, так и в Москве ученики, овладевшие знанием египетского языка: Т. Н. Бороздина-Козьмина, И. М. Волков, Ф. Ф. Гесс, Н. М. Дьяконова-Алексеева, А. Л. Коцеиовский, М. Э. Матье, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, А. В. Шмидт и др. Многие из них впоследствии включаются в широко развернувшуюся в нашей стране исследовательскую работу по египетской филологии, в результате которой были опубликованы труды, явившиеся ценным вкладом в египтологию. Продолжая печатание заметок и статей, посвященных надписям и текстам, хранящимся как в наших собраниях, так и в коллекциях западноевропейских музеев,⁴⁴ Тураев публикует первый выпуск описания египетского собрания Музея изящных искусств при Московском университете,⁴⁵ положив начало систематическому изданию египетских памятников Музея. Выпуск содержит значительный эпиграфический материал, относящийся к различным периодам египетской истории, от Древнего царства до времени Птолемеев включительно.

⁴³ Ныне — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (г. Москва).

⁴⁴ В. Tourajeff. Zwei Hymnen an Thoth // ZÄS, 33, 1895. S. 120–125; Б. Тураев. 1) Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // ЗВОРАО, XI, 1899. С. 115–164, табл. I–IX; там же, XII, 1900. С. 179–217, табл. V–XI; там же, XV, 1904. С. 081–0100, табл. III–IV; 2) Два текста, относящиеся к культу Мина // Записки Классического отделения имп. Русского археологического общества, I. СПб., 1904. С. 50–54; 3) Из истории Книги Мертвых. Несколько замечаний о текстах саркофага *Im3mw* // Там же, III. СПб., 1904. С. 15–25; 4) Египетские заметки // Там же. С. 26–29; 5) Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г // Там же, VI. СПб., 1910. С. 161–181. (Соавтор — Б. В. Фармаковский); 6) Die naophore Statue № 97 im Vatikan // ZÄS, 46, 1910. S. 74–77; Einige unedierte Saïtica in russischen Sammlungen // ZÄS, 48, 1911. S. 160–163; 7) Скарабей с о. Березани // Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 40. СПб., 1911. С. 118–120; 8) Несколько египетских надписей из моей коллекции и из Московского Румянцевского музея // Записки Классического отделения имп. Русского археологического общества, VII. СПб., 1913; 9) Описание египетского отдела Музея имп. Одесского общества истории и древностей // Сборник в честь Э. Р. Штерна. Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. 30. Одесса, 1912. С. 72–90; 10) Поздние заупокойные папирусы иероглифического письма // Памятники Музея изящных искусств в Москве. Вып. I–II. М., 1912; 11) Письмо из эпохи Нового Царства, помещенное на глиняном блюде // Памятники Музея изящных искусств в Москве. Вып. I–II. М., 1912; 12) Дверцы Наоса с молитвами богине Тауэрт // Памятники Музея изящных искусств в Москве. Вып. III. М., 1913. С. 73–80; 13) Надпись римского времени о священном быке // Памятники Музея изящных искусств в Москве. Вып. III. М., 1913. С. 119–123; 14) Ящики для египетских погребальных статуэток, называемых „ушебти” // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 25., М., 1916. С. 32–46; 15) Египтологические заметки, I–VII // Известия АН. Пгр., 1915. С. 601–614; 16) Египтологические заметки, VIII–XI // Известия АН. Пгр., 1916. С. 1–20; 17) The volume of the truncated pyramid in Egyptian mathematics // Ancient Egypt. London, 1917. P. 100–102; 18) The Inscription upon the lower part of a Naophorous Statue in my collection // JEA, IV, 1917. P. 119–121; 19) Магический папирус Salt 825 Британского музея // Записки Классического отделения имп. Русского археологического общества, IX. Пгр., 1917. С. 231–243, и др. Значительное число древнеегипетских надписей было опубликовано Б. А. Тураевым еще в его магистерской диссертации „Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры” (Лейпциг, 1898).

⁴⁵ Музей изящных искусств при Московском университете. Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. Составил Б. А. Тураев. Пгр., 1917.

Продолжает уделять внимание египетской эпиграфике и В. С. Голенищев.⁴⁶ Вместе с тем он на протяжении ряда лет подготавливает к печати и публикует иероглифические транскрипции уникальных литературных иератических папирусов, предварительные сообщения о которых были напечатаны им ранее.⁴⁷ Публикации эти в большинстве случаев снабжены полным переводом и комментариями палеографического, грамматического и историко-литературного характера. В 1899 г. он посвящает вторую работу „Путешествию Унуамона в Финикию”,⁴⁸ в 1906 г. — „Сказке о потерпевшем кораблекрушение”,⁴⁹ в 1912 г. он снова возвращается к этой сказке в специальной монографии,⁵⁰ а в 1913 г. выпускает в свет монументальное издание эрмитажных папирусов.⁵¹ Помещенные в этом издании прекрасные фототипические таблицы и иероглифическая транскрипция впервые сделали возможным детальную разработку и подлинно научное исследование уже упоминавшихся нами уникальных памятников египетской литературы, пользующихся, так же как и московский папирус, содержащий „Путешествие Унуамона”, мировой известностью.

В том же 1913 г. появляется первая печатная египтологическая работа А. Л. Коцеиовского, содержащая перевод и историко-литературный и мифологический комментарий одного из произведений египетской религиозной лирики, и выходит в свет первая египтологическая работа В. В. Струве, в которой впервые была дана транскрипция и полный перевод надписей на египетских сфинксах, приобретенных в 1832 г. в Египте русским правительством и установленных на набережной Невы против Академии художеств.⁵² Годом позже публикует свою первую работу по египетской филологии, посвященную изданию одного из папирусов Берлинского музея, И. Г. Франк-Каменецкий.⁵³

Исследования в области египетского языка представлены в данный период главным образом рядом экскурсов В. С. Голенищева, включенных им в различные публикации

⁴⁶ См., например: В. Голенищев. Египетская могильная плита № 4071 // Памятники Музея изящных искусств в Москве. Вып. I–II. М., 1912.

⁴⁷ W. Golénisheff. Le papyrus № 1 de St.-Pétersbourg (см. выше, прим. 27). W. Golénisheff. Sur un ancien conte égyptien // Notice lue au congrès des orientalistes à Berlin [Leipsic], 1881; В. Голенищев. Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию. (С двумя таблицами) // Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897. С. 45–52.

⁴⁸ W. Golénisheff. Papyrus hiératique de la collection W. Golénisheff contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie // RTR, 21, 1899.

⁴⁹ W. Golénisheff. Le papyrus № 1115 de l'Ermitage impérial de Saint-Pétersbourg // RTR, 28, 1906, P. 73–112.

⁵⁰ W. Golénisheff. Le conte du naufragé. Publications de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, Bibliothèque d'étude, t. 2, Le Caire, 1912.

⁵¹ [W. Golénisheff.] Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Impérial à St.-Petersbourg. [St.-Petersbourg], 1913.

⁵² А. Л. Коцеиовский. Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывания Исида и Нефтиды // Записки Классического отделения Русского археологического общества. Т. VII. СПб., 1913. С. 133–187 (работа издана также отдельной брошюрой); В. В. Струве. Петербургские сфинксы // ЗВОРАО, VII, 1913. С. 20–51.

⁵³ J. Frank-Kamenetzky. Der Papyrus № 3162 des Berliner Museums // Orientalistische Literaturzeitung, 17. Jahrgang. № 3. Leipzig, 1914. S. 97–102; № 4, S. 145–154 (иероглифическая транскрипция и перевод; 2 фототипические таблицы).

литературных текстов, о которых шла речь выше. Центральное место такие экскурсы, оформленные подчас в виде весьма обширных замечаний к отдельным египетским словам, занимают в упоминавшейся нами монографии В. С. Голенищева, опубликованной в 1912 г. и посвященной „Сказке о потерпевшем кораблекрушение”. Особенно подробно В. С. Голенищев останавливается на вопросах египетского синтаксиса, недостаточно изученного в то время, да и теперь еще представляющего много трудностей, нередко препятствующих полному пониманию египетских текстов.⁵⁴ Касается В. С. Голенищев в указанной монографии и вопросов морфологии египетского языка, преимущественно спряжения, привлекая при этом сравнительный материал из других восточных языков, а также вопросов египетской фонетики и научной транскрипции египетских слов.

Глубокое знание египетского языка и тонкое понимание его духа, в сочетании с прекрасной семитологической подготовкой, полученной в Петербургском университете под руководством В. Р. Розена и Д. А. Хвольсона, позволили В. С. Голенищеву избежать ошибки многих современных ему египтологов, исходивших при изучении грамматического строя и лексики языка древних египтян главным образом, если не целиком, из норм грамматики семитских языков. Голенищев резко выступал против чрезмерного сближения грамматических форм египетского и семитских языков.⁵⁵

Большое место занимают в работах В. С. Голенищева экскурсы лексикологического характера.

Деятельность русских египтологов по изучению и изданию памятников египетской письменности внесла большой вклад и в египетскую лексикографию, расширив наши сведения о словарном составе египетского языка. В многотомном словаре египетского языка,⁵⁶ завершено печатанием в наши дни в Берлине, использованы и ценнейшие папирусы наших коллекций, обогатившие словарь рядом не известных из других источников слов.

Успехи, достигнутые русской наукой в области изучения древневосточных языков, дали возможность Тураеву приступить в 1914 г. к изданию серии доступных не только специалистам, но и широким кругам читателей небольших монографий, посвященных важнейшим памятникам письменности древнего Востока, преимущественно — египетским. С той же целью был выпущен в свет сборник переводов, в подготовке которого участвовали

⁵⁴ Вопросы египетского синтаксиса, являвшиеся предметом специального интереса В. С. Голенищева на протяжении целых десятилетий, затрагиваются им позже в статьях: *Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne // Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-Francois Champollion...* Paris, 1922. P. 685 ff.; *Parallélisme symétrique en ancien égyptien // Studies presented to F. Ll. Griffith.* London, 1932. P. 86–96, и разработаны в капитальном, завершено на склоне лет, труде.

⁵⁵ См., например, неоднократно упоминавшуюся выше монографию В. С. Голенищева (*Le conte du naufrage*, 1912. P. XII) и приведенную в предшествующем примечании его статью *Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne*.

⁵⁶ A. Erman und H. Grapow. *Wörterbuch der aegyptischen Sprache.* Leipzig-Berlin, 1926–1953.

Б. А. Тураев и его ученики, а также И. Г. Франк-Каменецкий и др.⁵⁷

3

Широкий размах, который приобрело в СССР изучение общественных дисциплин, способствовал и плодотворному развитию советской науки о древнем Востоке. Больших успехов советские ученые достигли и в наименее разработанной в дооктябрьский период области востоковедения — в области исследования социально-экономической истории древнего Востока. Главная заслуга в разработке этой проблемы принадлежит акад. В. В. Струве. Основываясь на марксистско-ленинской методологии, он сумел правильно определить сущность раннеклассового общества, сложившегося в глубокой древности в Азии и Египте, как общества примитивно-рабовладельческого.⁵⁸ Разрешение этого вопроса привело к коренному пересмотру, под новым углом зрения, целого ряда вопросов истории египетской культуры, и в частности вопросов, связанных с изучением египетского языка (лексики) и литературы.

Культура древнего Египта изучается в наши дни во многих высших учебных заведениях, исследовательских институтах и музеях страны.

Начатая еще в 1914 г. Б. А. Тураевым серия работ была завершена им после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1917–1918 гг. выходят в свет 5-й и 6-й выпуски „Культурно-исторических памятников древнего Востока”.

Последний труд Б. А. Тураева, законченный печатанием при его жизни, — монография по истории египетской литературы⁵⁹ — был опубликован в 1920 г. Этот, и поныне непревзойденный по широте замысла, блеску и простоте изложения, опыт обзора литературного наследия древних египтян, охватывающий более чем трехтысячелетний период, предварен сжатым очерком истории развития египетского языка за все время его столь длительного существования. Литературе древнего народа посвящены и статьи Б. А. Тураева, опубликованные в год его смерти.⁶⁰

⁵⁷ Культурно-исторические памятники древнего Востока. Под общей редакцией проф. Б. А. Тураева. Вып. 3: Б. А. Тураев. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915; вып. 4: В. М. Викентьев. Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917; вып. 5–6: И. Г. Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период. М., 1917–1918; Древний мир. Сборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. проф. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. Восток, 3-е изд. М., 1917.

⁵⁸ На имевшей место 4–5 июня 1933 г. в ГАИМКе дискуссии об „азиатском способе производства”. См.: В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // ИГАИМК, вып. 77. Соцэргиз. М.-Л., 1934. С. 32–111 (доклад), 157–181 (заключ. слово).

⁵⁹ Академик Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. I. Исторический очерк древнеегипетской литературы. Памятники мировой литературы. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1920.

⁶⁰ Б. Тураев. 1) Египетская литература // Литература Востока. Вып. 2. Пгр., 1920. С. 128–144; 2) Коптская литература // Литература Востока. Вып. 2. Пгр., 1920. С. 145–151. Написанная Б. А. Тураевым в 1918 г. небольшая статья, посвященная истории русской науки о древнем Востоке до 1917 г., содержащая и данные по истории русской египтологии, была опубликована в 1927 г. с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. См.: Б. А. Тураев. Русская наука о древнем Востоке до 1917 г. // Академия наук СССР. Труды Комиссии по истории знаний, 3. Л., 1927. С. 1–9, таблица с портретом Б. А. Тураева.

После Великой Октябрьской социалистической революции заслуги Б. А. Тураева перед русской наукой были оценены в полной мере. В 1918 г. он избирается в число действительных членов Академии наук.

После смерти академика Б. А. Тураева Кафедра истории древнего Востока в Ленинградском (в то время Петроградском) государственном университете перешла, в 1920 г., к его ближайшему ученику, ныне главе советских историков древнего Востока и советской школы египтологов В. В. Струве, действительному члену Академии наук СССР с 1935 г. За время своей долголетней университетской педагогической деятельности, начавшейся в 1916 г., В. В. Струве воспитал множество учеников.⁶¹

В 1921 г. в Московском государственном университете создается Кафедра истории древнего Востока, на которой вводится изучение египетского языка. Новую кафедру возглавил семитолог и египтолог И. Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), до того (с 1918 г. по 1921 г.) преподававший в Иркутском государственном университете, где он читал курс истории древнего Востока и вел занятия по египтологии. В 1923 г. И. Г. Франк-Каменецкий перенес занятия по египетскому языку в Ленинградский государственный университет. В настоящее время Кафедрой истории древнего Востока в Московском государственном университете заведует В. И. Авдиев.

В 1918 г. курс египтологии был введен А. Л. Коцеиовским в Одесском государственном университете.

В августе 1922 г., в ознаменование столетия дешифровки египетских иероглифов Шампольоном, в Москве был созван съезд советских египтологов с участием специалистов по смежным научным дисциплинам, на котором присутствовали ученые Москвы, Петрограда, Перми и Саратова. С египтологическими докладами выступили Т. Н. Бороздина-Козьмина, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, И. Г. Франк-Каменецкий и др. Специальный доклад был посвящен открытию Шампольона. На съезде были отмечены достижения русской египтологии, внесшей большой вклад в мировую науку, и был принят план дальнейших работ.⁶²

Продолжая традиции русской востоковедной науки, советские египтологи работают над изучением и переводом хранящихся в наших коллекциях египетских надписей и текстов социально-экономического, литературного, религиозного и иного характера. Целый ряд памятников египетской письменности, от кратких надписей, иногда состоящих лишь

⁶¹ Из них по египтологии специализировались В. И. Евгенова, И. Г. Лившиц, И. М. Лурье, А. В. Мачинский, Н. А. Мещерский, Д. А. Ольдерогге, Ю. Я. Перепелкин, Б. Б. Пиотровский, Р. И. Рубинштейн, Ю. П. Францев, М. А. Шер, Н. А. Шолпо. Из школы В. В. Струве позже вышли и египтологи И. С. Кацнельсон, М. А. Коростовцев, Д. Г. Редер, И. Л. Снегирев, а в последние годы — Н. С. Петровский, Е. В. Черезов, О. Д. Берлев.

⁶² Предварительный отчет о съезде дан проф. И. Н. Бороздиным в журнале „Новый Восток”, № 2 (М., 1922). В том же номере журнала и в № 3 (М., 1923) опубликованы некоторые из прочитанных на съезде докладов.

из нескольких иероглифов, до пространных текстов, издается впервые.⁶³

Теперь увидел свет и оставшийся неопубликованным при жизни акад. Б. А. Тураева, подготовленный им к печати большой папирус хозяйственной отчетности позднего времени. Этот важный документ, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже, был приобретен в 80-х годах прошлого века в Египте историком искусства и археологом А. В. Праховым (1846–1916), автором труда по древнеегипетской архитектуре.⁶⁴

Особо следует отметить капитальный труд акад. В. В. Струве, посвященный математическому папирусу Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Эта монография, содержащая перевод, иероглифическую транскрипцию, исследование и фототипические таблицы редчайшего египетского иератического папируса,⁶⁵

⁶³ Ф. Ф. Гесс. 1) Крышка детского саркофага Эрмитажного собрания // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. II. Пгр., 1923. С. 26–30; 2) Ушебти и саркофаги к ним Эрмитажа и Музея изящных искусств // ИРАИМК, III, 1924. С. 106–112; Н. Д. Флиттнер. 1) Египетские цилиндры собрания В. С. Голенищева // ИРАИМК, III, 1924. С. 245–256; 2) Эрмитажный цилиндр-печать с именем Пиопи I // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. III. Л., 1926. С. 8–12; С. Донич. Саркофаг Птахтру № 3 из музея истории и археологии в Одессе // ДАН-В, № 8, 1929. С. 149–151; В. Струве. Эрмитажная стела Харемхеба // Оттиск из „Ежегодника Российского института истории искусств”. Т. I. Пгр., 1922. С. 91–109; М. Э. Матье. Ушебти царицы Хент-тауи // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 2. Л., 1929. С. 26–27; М. Э. Матье и И. М. Лурье. Остракон № 4478 Московского музея изящных искусств // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 2. Л., 1929. С. 28–31; Ю. Я. Перепелкин. Фрагмент древнеегипетской надписи XII династии // ДАН-В, № 1, 1929. С. 20–21; В. В. Струве. Остракон № 2973 Государственного Эрмитажа // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 3. Л., 1929. С. 28–31; С. В. Донич. Заупокойные конусы Одесского археологического музея // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 5. Л., 1930. С. 28–29; И. М. Лурье. Остракон № 4474 Московского музея изящных искусств // ДАН-В, № 8, 1930. С. 147–151; М. Э. Матье. Остракон № 1125 Эрмитажа // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 5. Л., 1930. С. 25–27; В. В. Струве. 1) Ритуальный гимн из собрания Эрмитажа // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 4. Л., 1930. С. 20–25; 2) Палетка писца № 2372 Государственного Эрмитажа // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 6. Л., 1930. С. 18–20; Н. Флиттнер. Алебастровый сосуд времени Харемхеба // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 6. С. 10–17; М. Э. Матье. Эрмитажная статуя писца Маани-Имен // ИГАИМК, IX, 1931, вып. 3. С. 1–9; Б. Пиотровский. Бюст статуи Сенусерта III // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 7. Л., 1931. С. 26–27; Н. Д. Флиттнер. Египетские печати с изображением военных сцен // Сборник Кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже, 1 (8). Л., 1933. С. 52–56; И. Г. Лившиц. Фрагмент египетской надписи с именем Тутмоса III // Язык и мышление, II. Л., 1934. С. 129; I. Lourié. Trois pseudo-stèles du Musée de l'Ermitage // BIFAO, LXVI (Melanges Maspero, I). Le Caire, 1936. P. 907–908; И. Г. Лившиц. Плита из гробницы Паи // Сборник памяти акад. Н. Я. Марра. М.–Л., 1939. С. 385–386; Н. А. Шолпо. Два фрагмента египетских водяных часов // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1939. С. 155–170; И. М. Лурье. 1) Поучение Аменемхета I в остраконах Музея изобразительных искусств // Эпиграфика Востока, III. М.–Л., 1949. С. 82–87; 2) Эрмитажный папирус 1114 и социальные идеи, воплощенные в „ушебти” // ВДИ, 4, 1949. С. 123–132; Е. В. Черезов. Надписи на ленинградских сфинксах // ВДИ, 1, 1949. С. 92–100; И. М. Лурье. Древнеегипетская плита с дарственной на землю // Эпиграфика Востока, V. М.–Л., 1951. С. 95–109; Р. И. Рубинштейн. Две стелы XI династии из ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ, 3, 1952. С. 126–133; С. И. Ходжаш. Амулеты из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // ВДИ, 3, 1953. С. 169–178; И. А. Лапис. Саркофаг Маху, земледельца дома Амона (из собрания Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) // ВДИ, 4, 1956. С. 157–160, 6 таблиц; В. И. Евгенова. О древнеегипетских папирусах собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, II (V). Восточный сборник. Л., 1957. С. 5–16, 4 таблицы.

⁶⁴ Б. А. Тураев. Papyrus Prachov в собрании Тураева // ИРАИМК, I, 1921, № 17. С. 164–168; Papyrus Prachov собрания Б. А. Тураева. Фототипическое воспроизведение с предисловием Б. А. Тураева. Изд. ГАИМКа. Л., 1927.

⁶⁵ Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moskau, herausgegeben und kommentiert von W. W. Struve, unter Benutzung einer hieroglyphischen Transkription von Б. А. Turajeff // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik. Abteilung A: Quellen. Bd. 1. Berlin, 1930. XII + 198 S. + 10 Taf. Академик В. В. Струве подготовляет для опубликования в трудах АН СССР второе издание этого папируса. Кроме изданного им папируса, известен еще только один пространный связный египетский математический текст — папирус Райнд (Rhind) в Лондоне.

написанного в XVIII в. до н. э., явилась большим вкладом не только в историю математики⁶⁶ и в египетскую филологию, но и в историю изучения египетской культуры в широком смысле слова. В результате тщательного филологического анализа египетского текста и привлечения данных, почерпнутых им из других памятников египетской письменности, акад. В. В. Струве, подчеркивая значительные теоретические достижения древнеегипетской науки, приходит к заключению о необходимости коренного пересмотра господствовавшего до сих пор взгляда на эту науку, как на науку чисто эмпирическую.

Советские ученые продолжают работу по изучению уникальных папирусов Государственного Эрмитажа и посвящают им целый ряд исследований филологического характера.⁶⁷

Продолжается также работа по переводу и изучению египетских папирусов и эпиграфических памятников, хранящихся в зарубежных коллекциях, а также надписей, высеченных на древних архитектурных сооружениях, находящихся в Египте.⁶⁸

⁶⁶ См., например: М. Я. Выгодский. Арифметика и алгебра в древнем мире. М.–Л., 1941. Г. Г. Цейтен. История математики в древности и в средние века. Перевод с франц., 2-е изд. М.–Л., 1938; О. Нейгебауэр. Лекции по истории античных математических наук. Т. I. Перевод с нем. с предисловием и примечаниями проф. С. Я. Лурье. М.–Л., 1937; A. de Buck. Grammaire élémentaire du Moyen Égyptien. Leiden, 1952. P. 142.

⁶⁷ В. В. Струве. 1) Papyrus 1116 в гесте и пророческая литература древнего Египта // ЗКВ, I, 1925. С. 209–227; 2) Заметки к папирусам Эрмитажного собрания // Сборник Государственного Эрмитажа, вып. 3. Л., 1926. С. 1–7; Ю. П. Францев. Змеиный остров в древнеегипетской сказке // ИАН, Отделение гуманитарных наук, VII серия, № 10, 1929. С. 817–837; Н. А. Шолпо. Царь Амени // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 4. Л., 1930. С. 3–6; М. Э. Матье. Стилистические замечания к литературе Среднего царства // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 4. Л., 1930. С. 15–19; В. В. Струве. Царь Амени // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 5. Л., 1930. С. 10–14; Р. И. Рубинштейн. Поучение гераклеопольского царя своему сыну (Эрмитажный папирус № 1116 А) // ВДИ, 2, 1950. С. 122–133, и др. Ср. также: акад. А. И. Тюменев. Эрмитажный папирус 1116 А, строки 101–102 // ВДИ, 2, 1947. С. 9–12. Комментированному переводу эрмитажного папируса № 1116 В уделено место и в диссертации Н. С. Петровского, см.: Н. С. Петровский. Народное восстание в древнем Египте (по материалам Эрмитажного папируса № 1116 В и Лейденского папируса №344). Автореферат. Л., 1951.

⁶⁸ А. Л. Коцеиовский. Тексты пирамид. Т. I // Записки Новороссийского университета. Историко-филологический факультет. Т. 14. Одесса, 1918 (исследование и перевод первых 255 глав Текстов пирамид); Н. А. Мещерский. 1) К переводу „Беседы разочарованного со своим духом” // ЗКВ, II, 1927. С. 365–372; 2) К палеографической датировке древнеегипетских текстов, содержащих проклятия // ДАН-В, № 13, 1927. С. 253–257; J. J. Perepelkin. Die Aufgabe Nr 62 des mathematischen Papyrus Rhind // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik. Abt. V. Bd. 1. Berlin, 1931. S. 108–112; Ю. П. Францев. Древнеегипетские сказки о верховных жрецах // Советский фольклор, 2–3, 1936; И. М. Лурье. 1) Беседа разочарованного со своим духом // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1939. С. 141–153; 2) Иммуниетные грамоты Древнего царства // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1939. С. 93–139 (статья содержит комментированный перевод 11 древнеегипетских документов); В. И. Евгенова. О меновых отношениях Ливийского времени в древнем Египте // Ученые записки ЛГУ, № 78. Серия исторических наук. Вып. 9. Л., 1941. С. 3–21 (в статье дается комментированный перевод некоторых египетских надписей социально-экономического характера); И. М. Лурье. К проблеме домашнего рабства в древнем Египте // ВДИ, 1, 1941. С. 196–198 (статья содержит перевод египетской надписи времени Тутмоса III); М. Korostovtsev. Stèle de Ramsès IV // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. T. XLV. Le Caire, 1947. P. 155–173, 2 ill; Н. М. Постовская. Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте // ВДИ, 1, 1947. С. 233–249 (дается опыт интерпретации надписей архаического Египта); И. М. Лурье. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства // ВДИ, 1, 1952. С. 207–280 (работа содержит перевод 67 египетских надписей и папирусов, касающихся положения рабов, земельной собственности, имущественных и семейных отношений в Египте с XVI по VII в. до н.э.; более десятка надписей переведены впервые); М. Э. Матье. К проблеме изучения „Текстов пирамид” // ВДИ, 4, 1958. С. 14–35.

Особенно широко привлекаются к исследованию древнеегипетские документы социально-экономического характера, причем многие из них переводятся и комментируются впервые.⁶⁹

Многочисленные надписи и папирусы амарнского периода — одного из узловых периодов древнеегипетской истории — всесторонне анализируются в труде, подготовленном Ю. Я. Перепелкиным к печати.

Изучение наряду с изданными ранее многочисленных вновь опубликованных памятников египетской письменности, а также привлечение других языков к исследованию отдельных вопросов египетского языкознания — в лингвистических работах африканистов (Д. А. Ольдерогге и Н. В. Юшманова), семитологов (Я. С. Виленчика и Н. В. Юшманова) и специалиста по греческому и коптскому языкам П. В. Ернштедта — способствовали расширению исследовательской тематики в области изучения египетского языка советскими учеными.

Вопроса о взаимоотношениях египетского языка и других языков семито-хамитской группы касается в своих работах, привлекая данные грамматического строя и лексики этих языков, Д. А. Ольдерогге. Он исходит при этом из исследований французского семитолога Марселя Коэна, отмечавшего, что хамитские языки, входящие в состав семито-хамитской группы языков, не представляют единства, так как нет ни одной черты, которая объединяла бы все хамитские языки в противоположность семитским.⁷⁰ Присоединяясь к мнению М. Коэна, указывавшего, что семито-хамитская группа языков включает четыре подгруппы — семитскую, берберскую, кушитскую и древнеегипетскую, Д. А. Ольдерогге добавляет к ним в качестве пятой подгруппы язык хауса и родственные последнему языки. На основе изучения грамматического строя, главным образом местоимений, а также словарного состава этих языков, он отмечает черты сходства в языке древнего Египта и в языке хауса. Выступая вместе с тем против теории семитского происхождения египетской культуры, теории, одним из наиболее ярких представителей которой был крупнейший немецкий египтолог К. Зете, пытавшийся обосновать свои построения данными языкового порядка, Д. А. Ольдерогге приходит к общему выводу, что из числа семито-хамитских языков языки древнеегипетский и берберские, судя по некоторым чертам их грамматического строя, более близки друг другу, чем языкам семитской и кушитской подгрупп.⁷¹

Изучение строя египетского языка в послеоктябрьский период в основном сводится к разработке вопросов морфологического характера, главным образом — вопроса истории развития египетского глагола. Попытка наметить этапы развития египетского глагола,

⁶⁹ См. предшествующее примечание.

⁷⁰ Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике // Советская этнография, 3, 1949. С. 170.

⁷¹ Д. А. Ольдерогге. Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко) // Советская этнография, 2, 1952. С. 34–35.

исходя из реальных фактов египетского языка, дана М. Э. Матье, подвергнувшей вместе с тем критике столь характерные для некоторых западноевропейских ученых схематические построения, переносившие готовые грамматические нормы лучше изученных языков (по большей части семитских) на язык египетский.⁷²

Много места уделено в египтологических трудах советских ученых вопросам египетской лексики.⁷³

В опубликованном в конце 1953 г. большом исследовании П. В. Эрнштедта о египетских заимствованиях в греческом языке⁷⁴ устанавливаются факты, свидетельствующие о влиянии, которое оказал египетский язык на греческий, обогатив последний целым рядом слов.


В книге анализируются 44 греческих слова как абстрактного, так и конкретного значения (в основном из областей сельскохозяйственной, военной, правовой и врачебной), возводимых автором, — использующим данные истории звуков коптского языка и отмечающим различную степень достоверности даваемых им этимологий, — к египетским словам и словосочетаниям докоптского периода. Кроме того, приводятся еще 10 греческих слов, египтологическое объяснение которых П. В. Эрнштедт предполагает опубликовать особо.

Другим результатом исследования является впервые указанная П. В. Эрнштедтом возможность пополнить наши знания по истории египетского языка путем реконструкции, —исходя из данных греческой лексики и опять-таки используя данные коптского языка, — ряда египетских слов и словосочетаний докоптского периода, не засвидетельствованных известными нам египетскими надписями и текстами. Вместе с тем, добавляет автор, „мы узнаем о существовании слов и семантически целостных словосочетаний, намного более раннем, чем то, о котором гласит имеющаяся египетская документация, включая коптскую”.⁷⁵

Слова, заимствованные греческим языком из египетского, П. В. Эрнштедт делит в основном на два пласта.

Первый, более древний, пласт он относит ко времени завершения гомеровских поэм и указывает, „что египетским языком, давшим грекам этот более древний пласт заимствований, является язык Нового царства, так называемый новоегипетский язык”.

⁷² М. Э. Матье. Основные черты древнеегипетского глагола (К постановке проблемы) // Ученые записки ЛГУ, № 128. Серия востоковедческих наук. Вып. 3, Л., 1952. С. 212–220.

⁷³ См., например: М. Э. Матье. К выражению  в папирусе № 1115 Государственного Эрмитажа // ДАН-В, № 13, 1928. С. 291–292; Д. А. Ольдерогге. 1) О некоторых египетско-нубийских словах // Сборник египтологического кружка при ЛГУ, 1. Л., 1929. С. 13–14; 2) О названии обелиска // Сборник египтологического кружка при ЛГУ, 2. Л., 1929. С. 34; В. В. Струве. *Nhtw* в сказке о зачарованном царевиче // Сборник египтологического кружка при ЛГУ, 3. Л., 1929. С. 32–33; Д. А. Ольдерогге. Название Ливии в древне-египетских надписях // ИАН. Отделение общественных наук. № 5, 1935. С. 519–537, и др.

⁷⁴ П. В. Эрнштедт. Египетские заимствования в греческом языке. Изд. АН СССР, М.-Л., 1953.

⁷⁵ Там же. С. 196.

научной транскрипции египетских алфавитных знаков в работах Н. В. Юшманова⁸⁰ и Я. С. Виленчика.⁸¹ В области египетской фонетики работает С. В. Донич.⁸² Транскрипции древнеегипетских собственных имен посвящена значительная часть статьи Н. А. Шолпо о древневосточных собственных именах.⁸³ Проблемы стилистики разрабатываются М. Э. Матье и Ю. П. Францевым.⁸⁴

В связи с непрерывно ведущейся в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда подготовкой кадров историков и филологов, изучающих первоисточники на древневосточных языках, все настоятельнее дает себя знать необходимость в соответствующих учебных пособиях, стоящих на надлежащем научном уровне. Ленинградский государственный ордена Ленина университет положил начало изданию таких пособий, опубликовав две хрестоматии для изучающих египетский язык. Первая из них предназначена для начального обучения египетскому языку и содержит упражнения по грамматике и тексты литературного и исторического характера времени Среднего царства.⁸⁵ Вторая посвящена одному из видов курсивного письма древних египтян, иератическому. В ней приводятся образцы различных почерков за период от Древнего царства до начала XVIII династии, причем представлены папирусы, хранящиеся в музеях СССР.⁸⁶

Ленинградский университет опубликовал также грамматический очерк среднеегипетского языка, предваренный введением в египетскую иероглифику и лексику.⁸⁷

Неизмеримо возросшая в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции потребность в научно-популярной литературе вызвала к жизни и ряд египтологических изданий, рассчитанных на массового советского читателя. Публикуются отдельные брошюры и небольшие монографии,⁸⁸ а также коллективные труды,⁸⁹ в которых

⁸⁰ Н. В. Юшманов. 1) Ключ к латинским письменностям земного шара. Изд. АН СССР. М.–Л., 1941; 2) Семито-хамито-яфетические сжатогорланые // Язык и мышление, XI. М.–Л., 1948. С. 395–405.

⁸¹ J. Vilenčik. Welchen Lautwert hatte ح im Ursemitischen? // Orientalistische Literaturzeitung. 33. Jahrg. № 2. Leipzig, 1930. S. 89–98.

⁸² С. В. Донич. О звуковом потенциале двух египетских графем // Советское востоковедение, 6, 1958. С. 85–88.

⁸³ Н. А. Шолпо. Транскрипция древневосточных собственных имен // ВДИ, 1, 1940. С. 113–122.

⁸⁴ М. Э. Матье. 1) Хиазм в египетской поэзии // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 1. Л., 1929. С. 1–3; 2) Стилистические замечания к литературе Среднего царства // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 4. Л., 1930. С. 15–19; Ю. П. Францев. К истории автобиографической надписи // Сборник Египтологического кружка при ЛГУ, 5. Л., 1930. С. 1–9.

⁸⁵ Хрестоматия древнеегипетских иероглифических текстов. Сост. М. Э. Матье. Изд. ЛГУ. Л., 1948.

⁸⁶ Хрестоматия древнеегипетских иератических текстов. Вып. I. Древнее царство — начало XVIII дин. Сост. И. М. Лурье. Изд. ЛГУ. Л., 1948.

⁸⁷ Н. С. Петровский. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Под редакцией акад. В. В. Струве. Изд. ЛГУ. Л., 1958.

⁸⁸ В. В. Струве. Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. Соцэкгиз, М.–Л., 1935; М. Э. Матье. 1) Что читали египтяне 4000 лет тому назад. 2-е изд. Изд. Государственного Эрмитажа. Л., 1936; 2) Древнеегипетские мифы. Изд. АН СССР. М.–Л., 1956.

⁸⁹ Хрестоматия по древней истории. Т. I. Под редакцией акад. В. В. Струве. Учпедгиз. М., 1936; Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. Древний Восток. Сост. И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер, под ред. акад. В. В. Струве. Учпедгиз. М., 1950.

даются снабженные вводными статьями переводы большого числа памятников древнеегипетской письменности различных жанров и относящихся к различным историческим периодам. Большое внимание уделяется при этом документам, отражающим социально-экономическую и политическую жизнь древнего Египта. Издаются также работы по истории дешифровки египетских иероглифов⁹⁰ и др.

Список сокращений, принятых в примечаниях

ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ДАН	— Доклады Академии наук СССР.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов.
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
BIFA O	— Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale.
RTR	— Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes.

⁹⁰ И. Г. Лившиц. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном // Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Серия „Классики науки”. Изд. АН СССР. М.–Л., 1950. С. 98–241; В. В. Струве. 1) Франсуа Шампольон // Анналы, № 2. Пгр., 1922. С. 3–16; 2) Творческий путь Шампольона // ВДИ, 1, 1948. С. 139–150; Н. Д. Флиттнер. Как научились читать иероглифы. Пгр., 1923; И. Г. Франк-Каменецкий. 1) Как научились читать египетские письмена. М., 1922; 2) Гениальное открытие Шампольона // Новый Восток, № 2, 1922. С. 456–493.